Е. А. Усенко

ВОСПРИЯТИЕ И АНАЛИЗ РАССКАЗА М. ГОРЬКОГО «КАРАМОРА» В 11-м КЛАССЕ

Работа представлена кафедрой словесности и культурологии Нижегородского института развития образования. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор Л. В. Шамрей

В статье представлен опыт изучения рассказа М. Горького «Карамора» в 11-м классе, анализируется восприятие произведения читателями и прослеживается логика размышлений писателя о природе человека, об опасности саморазрушения личности. Автор статьи настаивает на обновлении содержания и методики изучения творчества М. Горького в школе и справедливо полагает, что необходимо, освободив тему от идеологических стереотипов, усилить внимание к природе дарования Горького-художника, ввести новые произведения в практику школьного преподавания.

Ключевые слова: *разум, вера и неверие, душа, предательство, честность, совесть.*

E. Usenko

PERCEPTION AND ANALYSIS OF THE STORY "KARAMORA" BY M. GORKY IN THE 11th FORM

The paper describes the experience of studying the story "Karamora" by M. Gorky in the 11th form. The author of the paper analyses the readers' perception of the story and traces the logic of the writer's reflection on the human nature, the danger of a person's self-destruction. The author of the paper proposes to renew the content and methods of studying M. Gorky's works at school and fairly believes that it is necessary to eliminate the ideologic stereotypes, to intensify the attention to the talent of M. Gorky as an artist and to introduce new works into the school teaching practice.

Key words: *sense, belief and disbelief, soul, treachery, honesty, conscience.*

Известный ученый-литературовед В. И. Баранов в своей книге «М. Горький: подлинный или мнимый» называет А. М. Горького феноменом культуры XX столетия и отмечает: «Ни один писатель в мире не был столь знаменит, как Горький. Беспрецедентная по своим масштабам слава пришла к нему еще на рубеже веков после издания первого сборника (1898 г.)» [1, с. 104]. Более того, к писателю пришла его прижизненная канонизация, блеск которой помешал широкому читателю увидеть М. Горького по-настоящему, он воспринимался в ореоле «пролетарского писателя», «буревестника революции». В период перестройки, когда ниспровергалось достаточно большое количество авторитетов, была предпринята попытка «по-новому» увидеть М. Горького: то художником, исторически верно изобразившим «истинных русских капиталистов», то религиозным мыслителем, то прозорливым политиком («Несвоевременные мысли»)... Сегодня большинство ученых, писателей, критиков – это в первую очередь В. И. Баранов, П. В. Басинский, Д. Л. Быков, В. В. Петелин, Л. А. Спиридонова и многие другие – считают, что необходимо глубокое научное исследование творчества М. Горького, его философских взглядов, его ошибок и противоречий, его нравственной и эстетической позиции в различные периоды жизни. По мнению доктора филологических наук Л. А. Спиридоновой, «...время смыло с лица Горького хрестоматийный глянец, и перед нами стоит непростая задача: заново перечитав его произведения, определить истинное значение и роль писателя в литературной и общественной жизни конца XIX – первой половины XX века» [5, с. 6].

Безусловно, литературное наследство такого автора, как М. Горький, подобает изучать в более полном объеме, чем это предлагается современными программами, учащиеся дол-

жны видеть целостную картину эволюции писателя. В нашем опыте перед обзором романа «Жизнь Клима Самгина» одиннадцатиклассникам предлагается для изучения рассказ «Карамора», впервые напечатанный в журнале «Беседа» (Берлин) в 1924 г.

Учащиеся уже знакомы с ранними романтическими произведениями писателя, поэмой «Человек», знают о влиянии на него идей Ницше и Шопенгауэра, изучили пьесу «На дне» (урок «философские дебаты»), повесть «Мои университеты», очерки и публицистику Горького, в средних классах читали рассказы «Челкаш», «Дед Архип и Ленька», первые две повести из автобиографической трилогии «Детство», «В людях».

Вследствие этого у школьников должно сложиться достаточно целостное восприятие творчества М. Горького. Вызывает доверие и понимание писатель, который учит деятельностному отношению к жизни. Рисуя ее «свинцовые мерзости», развенчивая иллюзии бродячей вольности, показывая трагические моменты жизни, Горький изображает личность в движении, внутренней борьбе, многогранности. Предлагая своему читателю размышления о сущности человека, о вере и неверии, истине и лжи, о проблеме человеческого сосуществования, свободы личности и о многих других вопросах, Горький отводит основополагающую роль одному из важнейших вопросов философии: ради чего живет человек, цель его существования на Земле?

Все, созданное М. Горьким – от ранних романтических произведений до начала 1920-х гг., – посвящено безграничной вере в человеческий разум, человеческое творчество. Писатель остается верен своему убеждению, высказанному в поэме «Человек» (1903 г.): «Смысл жизни – вижу в творчестве, а творчество самодовлеет и безгранично!» [2, с. 234]. В силу этого резким диссонансом воспринимается рассказ «Карамора».

Это, пожалуй, единственное произведение, в котором М. Горький сближается с Л. Андреевым. Горького волнует проблема душевной опустошенности, которая приводит к распаду человеческой личности.

Почему Горький так глубоко исследует природу предательства человека? Что это: пересмотр собственных позиций, раскаяние в содеянном или все-таки желание предостеречь грядущие поколения от ошибок, совершенных его поколением, найдя причину противоречивости человека, его двойственности.

Главный герой одноименного рассказа – Петр Каразин. Впервые мы встречаемся с Караморой – так в детстве прозвал его отец-слесарь («Большой такой, добрый, очень веселый. В каждом человеке он прежде всего искал, над чем бы посмеяться» [3, с. 36]) – в тюрьме, где он ожидает приговора за свое многолетнее сотрудничество с охранкой. Рассказ представляет собой исповедь главного героя, но пишет он ее не для тех, кто судит его сейчас, а для себя, чтобы найти причину своих поступков, просто понять самого себя.

Горький дает к рассказу шесть (!) эпиграфов; пять из них принадлежат известным мыслителям, писателям, ученому (имена Л. Андреева, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, Н. И. Пирогова) и рабочему-провокатору, который, по-видимому, и явился прототипом главного героя.

Учащиеся обращают внимание на эпиграфы: «Попытка оправдать подлость?»; «Сопоставление подлости с подвигом»; «Объяснение причин человеческой подлости: “У русского человека мозги набекрень» (И. С. Тургенев)”» [3, с. 36]; «У Пирогова ближе: “Иногда – ни с того ни с сего – приходят мысли плохие и подлые...”» [3, с. 36].

Ни один эпиграф не может подсказать причину распада человеческой личности. Зачем же они нужны Горькому?

Типичные ответы учащихся были такими: «Эпиграфы подчеркивают негативное отношение самого писателя к подлости и предательству»; «Горький показывает значимость этой проблемы»; «Карамора сам хорошо ощущает противоречивость, двойственность своей натуры: «Жили во мне два человека, и один к другому не притерся. Вот и все» [3, с. 37].

Далее ребята размышляют над проблемой, что же подтолкнуло Карамору к предательству: «Он воспринимал жизнь как игру. И проиграл

сам себя»; «Нет, это случилось раньше, когда он не смог защитить свою правду, свое понимание жизни, ведь он предал сам себя»; «Это произошло не просто так. Причина в том, что у Караморы не было души, причем это слово он берет в кавычки, и объясняет, что под душой понимает “верующую мысль, которая навсегда и неразрывно связана с волей” [3, с. 38]. После этого признается, что такой “души” у него не было»; «Да у него вообще никакой души не было!».

Действительно, у Караморы не было ничего: ни совести, ни любви, ни приязни, ни желания (искреннего) помочь людям, ни раскаяния – ведь даже его исповедь заканчивается хвастливой мыслью, что правду жизни понимает только он. И для людей у него находится всего одно слово: «Надоели» [3, с. 67].

М. Горький пишет «Карамору» через двадцать лет после рассказа Л. Андреева «Мысль», но как сходны у них определения мысли: «лживая», «подлая», «человеческая», «моя».

Кроме того, Горький использует реминисценцию, рассчитывая на ассоциативное восприятие читателя: «Разум не подсказывал мне, что хорошо, что дурно. Это как будто вообще не его дело. Он у меня любопытен, как мальчишка, и, видимо, равнодушен к добру и злу, а “постыдно” ли такое равнодушие – этого я не знаю [3, с. 41].

Горький не случайно привлекает внимание вдумчивого читателя к «Думе» М. Ю. Лермонтова. Возможно, писателю хотелось таким образом высказать мысль, которая для него в 1924 г. была крамольной:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее иль пусто, иль темно... [4, с. 281].

О чем говорит эта реминисценция? О личностном прозрении Горького? О признании ошибок писателем, много лет служившим неправому делу? О пророческом предвидении?.. Однако общеизвестно, что Горький до конца жизни верил в человека, в его возможность стать лучше и чище, в его способность построить светлое будущее.

Писатель в 1920-е гг. рассказывает о крушении старой России, постигает философский смысл исторического процесса, определяющего человеческие судьбы. Человек, его характер, душа, нравственность в переломную эпоху... В связи с чем появляется мотив человеческого бессилия, духовного распада личности. Эта проблема заставляет героя рассказа задуматься: «... почему люди так шатки, неустойчивы, почему они с такой легкостью изменяют делу и вере?» [3, с. 48]. И именно в такое время, после поражения первой революции, когда стали расти сети провокаторов, Карамора остро ощутил «непрочность побуждений к революционной работе» [3, с. 48], объясняемую им то ли скукой, то ли нехваткой опасности, авантюризма. Перед ним впервые стал вопрос: «Кто я?» Ответ ему дает содеянное им: после самоубийства провокатора Попова, которому способствовал Карамора, последний ощущает своеобразное состояние «отчужденности от самого себя» [3, с. 54] и принимает предложение начальника охранного отделения Симонова заменить Попова. Карамора цинично отмечает: «Хорошо помню, что я сам был удивлен быстротой и легкостью, с которыми это решение возникло, – оно явилось так же естественно и просто, как возникает желание спать, гулять, выпить воды» [3, с. 55]. После этого признания уже не удивляет внутренняя близость Караморы и Симонова, который живет «по Брему», напрямую соотнося человека с животным. Для Симонова высшая похвала: «Он говорил, как Брем» [3, с. 60].

У этих людей душа опустошена, и нравственные ценности у них приравнены к уровню физиологических функций. Симонов в приватных беседах с Караморой охотно делился своим пониманием жизни: «Самое большое удовольствие – одурачить, обыграть человека. Вспомните-ка детские игры, и, начиная с них, просмотрите всю жизнь... вся жизнь – в игре» [3, с. 57–58]. В итоге Карамора приходит к выводу, что Симонов прав: «Ничего нет, вся выдумано, все лживо, а я призван открыть ложь, я первый, кто должен открыть людям, что все они обмануты, жизнь действительно голая, зверячая борьба» [3, с. 62], а «у человека нет сил протестовать против подлости в себе самом...» [3, с. 62]. В этом рассказе мы видим

совершенно неожиданного Горького, показывающего, насколько тягостно крушение личности неверующего человека. Карамора отрицает «наивное учение Христа» [3, с. 40]. Он смеется над проповедью любви к людям и заявляет: «...забота о людях исходит не из любви к ним, а из необходимости окружить себя ими, чтоб с их помощью, их силою, утвердить свою идею, позицию, свое честолюбие» [3, с. 40].

Вот кредо бездуховного человека, который с гордостью заявляет, что никогда не испытывал страха – лишь однажды, во сне... Горький не случайно продолжает традицию классиков XIX в., погружая своего героя в сон, т. е. такое состояние, когда включается подсознание и человек не может лгать – такие образом он познает свою истинную сущность: «Как тусклое зеркало, небо отражает мое уродливо изогнутое тело, лицо у меня искаженное, руки дрожат, и мое отражение протягивает ко мне эти дрожащие руки, пальцы их неестественно изогнуты, не сжимаются. Я уже несколько раз обошел пустоту, быстро, и все быстрее двигаясь по черте горизонта, но – не понимаю, чего ищу, и не могу остановиться... Круг, сжимаясь, становится все меньше, купол неба все ниже, я бегу, задыхаюсь, кричу...» [3, с. 44]. После дискуссии о прочитанном школьники приходят к пониманию, что сон метафорически передает истинную сущность героя, который мучительно ищет собственную цельность, пытаясь воссоздать свое неделимое «я». От кошмара Карамору спасает странный человек, «а я со страха так обрадовался, что схватил его за руку, прыгаю и смеюсь. Вообще вел себя очень глупо» [3, с. 44–45]. Но радости «спасенному» хватает ненадолго, он продолжает равнодушно жить, служа, спасая, предавая и убивая... такой человек никогда не задумается о покаянии. Ребята с изумлением делают то же открытие, что и герой: «...привычка жить честно, это как раз то самое, чего не хватает людям» [3, с. 63]. Горький повторяет эти слова в коротком отрезке текста четыре раза, что производит впечатление ударов набатного колокола. На читателя это действует, на героя рассказа – нет. Он хочет лишь «разрешить вопрос: отчего я так несоединимо и навсегда расклеился?» [3, с. 64]. Однако Карамора и тут ухитряется уйти от ответственности: «говорят, есть в глазу какой-то “хрусталик” и от него именно зависит правильность зрения. В душу человека тоже надо бы вложить такой хрусталик. А его – нет. Нет его, вот в чем суть дела» [3, с. 67].

Предварительные суждения учащихся таковы: «Карамора не прав: в душе человека есть такой “хрусталик” – это совесть»; «Возможно, “хрусталик” – это вера в Бога. Ведь человек, искренно верящий в Бога, никогда не нарушит его заповедей – не предаст, не убьет; он будет с любовью и пониманием относиться к людям».

Итоговое задание увлекло учащихся, предоставив возможность обратиться к их читательскому опыту: попытаться найти темы, идеи, мысли рассказа Горького, которые позволяют вспомнить произведения других писателей XIX в.

Ответы: «Распад души Караморы напоминает омертвение души Ионыча у Чехова»; «Конечно, мертвые души помещиков у Гоголя»; «А часто повторяющаяся мысль Караморы об игре – игрока Ноздрева в поэме “Мертвые души”»; «В рассказе показано, что человек дробится на несколько составляющих личности, а у Достоевского в “Преступлении и наказании” “двойники” Раскольникова (Лужин, Свидригайлов, Лебезятников) объединяются одной идеей. Достоевский предостерегал, что светлая человеческая мысль может превратиться в свой антипод, если ее будут воплощать в жизнь нечестные и бессовестные люди»; «Да и сам Раскольников – раздваивающийся на протяжении всего романа образ. Но его спасает от полного распада любовь и обретенная вера»; «Многие авторы используют описание сна героя, чтобы объяснить его внутреннее состояние или помочь понять какой-то вопрос. Например, сон Обломова у Гончарова. Сны Раскольникова объясняют психологически то, что происходит у него в душе. А у Караморы иначе»; «Если воспринимать как набатный колокол часто повторяющуюся мысль Горького “привычки жить честно нет у людей!” [3, с. 63], то можно вспомнить человека с колокольчиком в рассказе “Крыжовник” А. П. Чехова... Нам просто нужно научиться жить честно!».

В результате учащиеся подошли к мысли о том, что Горький предостерегает нас от всеобщего разрушения, и в первую очередь от саморазрушения. Писатель заставляет нас задуматься о потребности сохранить чистоту и цельность души, что сегодня является насущной необходимостью. Не случайно современный норвежский ученый Гейр Хьетсо отмечает: «Литературный путь Горького – один из наиболее замечательных в наше время. В своих произведениях он изображает самые темные стороны жизни, и одновременно он – один из самых больших оптимистов в русской литературе» [6, с. 4]. Таким образом, пришло время обретения настоящего Горького.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранов В. И.* Максим Горький: подлинный и мнимый. М.: Просвещение, 2000. 111 с.
2. *Горький М.* Человек // М. Горький. Собр. соч.: В 8 т. М.: Сов. Россия, 1987. Т. 2. 512 с.
3. *Горький М.* Карамора // М. Горький. Собр. соч.: В 8 т. М.: Сов.Россия, 1988. Т. 3. 448 с.
4. *Лермонтов М. Ю.* Дума // М. Ю. Лермонтов. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1969. Т. 1. 416 с.
5. *Спиридонова Л. А.* М. Горький: новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН 2004. 264 с.
6. *Хьетсо Г.* Максим Горький: Судьба писателя / Пер. с норв. М.: Наследие, 1997. 344 с.